

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

ISSN 2312-9751

Ежегодный международный научный журнал

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ

№ 8

Факультет журналистики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Москва 2022

Редакционный совет:

- глава редакционного совета – член-корр. РАО, д-р филол. наук, профессор Е. Л. Вартанова (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
д-р филол. наук, профессор Д. Бжозовска (Опольский университет, Польша);
д-р филол. наук, профессор Т. А. Воронцова (Челябинский государственный университет);
д-р филол. наук, профессор С. Гайда (Опольский университет, Польша);
д-р филол. наук, профессор Я. Гоффманнова (Академия наук Чешской Республики);
д-р филол. наук, профессор М. В. Иванова (Литературный институт имени А. М. Горького);
д-р филол. наук, профессор В. И. Ивченков (Белорусский государственный университет);
д-р филол. наук, профессор Н. И. Клушина (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
д-р филол. наук, профессор В. И. Коньков (Санкт-Петербургский государственный университет);
д-р филол. наук, профессор Т. В. Кортава (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
д-р филол. наук, профессор Т. В. Кузнецова (Национальный университет «Одесская юридическая академия», Украина);
д-р филол. наук, профессор Е. Малиновска (Опольский университет, Польша);
д-р филол. наук, профессор П. Мареш (Карлов университет в Праге, Чешская Республика);
д-р филол. наук, профессор П. Меич (Университет Мостар, Босния и Герцеговина);
д-р филол. наук, профессор О. Оргонева (Университет имени Коменского в Братиславе, Словакия);
д-р филол. наук, профессор Л. Тангуровска (Институт имени Крсте Мисиркова в Скопье, Македония);
д-р филол. наук, почетный профессор Б. Тошович (Университет Карла и Франца в Граце, Австрия);
д-р филол. наук Янь Кай (Университет имени Сунь Ятсена, Китай).

Редакционная коллегия:

- д-р филол. наук, профессор Н. И. Клушина (главный редактор);
канд. филол. наук, доцент Н. Н. Василькова (заместитель главного редактора);
канд. филол. наук, доцент Н. В. Смирнова (шеф-редактор);
канд. филол. наук, доцент С. Ф. Барышева (ответственный секретарь);
канд. филол. наук М. А. Васильченко;
канд. филол. наук, доцент И. А. Вещикова;
канд. филол. наук, доцент Н. Н. Вольская;
канд. филол. наук, доцент Л. Т. Касперова;
канд. филол. наук, доцент Л. Е. Малыгина;
канд. филол. наук, доцент А. В. Николаева;
канд. филол. наук, доцент Т. И. Сурикова;
Н. С. Лопухина,
Н. А. Примаченко.

Контактная информация: 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9

Электронный адрес редакции: apstil@yandex.ru

Все материалы рецензируются.

Журнал включен в базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и EBSCO.

© Актуальные проблемы стилистики. Все права защищены.

Editorial Council:

Vartanova E. L., Chair of Editorial Council,
Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Philology, Professor
(Lomonosov Moscow State University);

Brzozowska D., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);
Gajda S., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);
Hoffmannová J., Doctor of Philology, Professor (Academy of Sciences of the Czech Republic);
Ivanova M. V., Doctor of Philology, Professor (Maxim Gorky Literature Institute);
Ivchenkov V. I., Doctor of Philology, Professor (Belarusian State University);
Klushina N. I., Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University);
Konkov V. I., Doctor of Philology, Professor (St.-Petersburg State University);
Kortava T.V., Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University);
Kuznetsova T. V., Doctor of Philology, Professor
(National University "Odesa Law Academy", Ukraine);
Malinowska E., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);
Mareš P., Doctor of Philology, Professor (Charles University in Prague, Czech Republic);
Meić P., Doctor of Philology, Professor (University of Mostar, Bosnia and Herzegovina);
Orgoňová O., Doctor of Philology, Professor (Comenius University in Bratislava, Slovakia);
Tanturovska L., Doctor of Philology, Professor (Institute "Krstev Misirkov", Skopje, Macedonia);
Tošović B., Doctor of Philology, Professor Emeritus (University of Graz, Austria);
Vorontsova T. A., Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University);
Yan Kai, Doctor of Philology (Sun Yat-sen University, China).

Editorial Board:

Klushina N. I., Editor-in-Chief, Doctor of Philology, Professor;
Vasilkova N. N., Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Associate Professor;
Smirnova N. V., Managing Editor, Candidate of Philology, Associate Professor;
Barysheva S. F., Executive Secretary, Candidate of Philology, Associate Professor;
Vasilchenko M. A., Candidate of Philology
Veshchikova I. A., Candidate of Philology, Associate Professor;
Volskaya N. N., Candidate of Philology, Associate Professor;
Kasperova L. T., Candidate of Philology, Associate Professor;
Malygina L. E., Candidate of Philology, Associate Professor;
Nikolaeva A. V., Candidate of Philology, Associate Professor;
Surikova T. I., Candidate of Philology, Associate Professor;
Lopukhina N. S.,
Primachenko N. A.

Contact information: 9 Mokhovaya Street, 125009, Moscow

E-mail: apstil@yandex.ru

All articles are refereed.

The journal is included in the databases of the Russian Science Citation Index (RSCI) and EBSCO.

© Actual Problems of Stylistics. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии
К 90-летию со дня рождения профессора Григория Яковлевича Солганика 11

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОСТИЛИСТИКИ

Солганик Г. Я. (Москва, Россия). О предмете стилистики русского языка 15

Gajda Stanisław (Opole, Polska). Refleksja stylistyczna w perspektywie historyczno-biograficznej ... 20

*Колесникова С. М. (Москва, Россия). Категория градуальности в русском языке:
системное описание 30*

ИСТОРИЯ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ СТИЛИСТИКИ

*Тошович Бранко (Грац, Австрия).
Метастилистика и метапоэтика Южнославии (1970–2020) 47*

*Илиева Мария (Велико Търново, България). Българската лингвистична стилистика
в периода 1970–2020 г. 61*

Tošović Branko (Grac, Austrija). Metastilistika i metapoetika Bosne i Hercegovine: 1970–2020 70

*Милашин Горан (Бања Лука, Република Српска / Босна и Херцеговина).
Стилистика у Републици Српској на размеђу XX и XXI вијека 83*

*Ѓуркова Александра, Тантуровска Лидија (Скопје, Македонија).
Македонската лингвостилистика од 1970 до 2020 год 95*

*Ангеловски Дарин, Ковилоски Славчо (Скопје, Македонија).
Македонска книжевна стилистика со поетика (1970–2020) 108*

*Крцић Ненад (Београд, Србија), Степанов Страхинја (Нови Сад, Србија).
Лингвистичка стилистика у Србији од 1970. До 2020. 117*

*Tošović Branko (Grac, Austrija). Književna metastilistika i metapoetika u Srbiji na razmeđu
XX i XXI vijeka 132*

*Поучки Милана (Нови Сад, Србија). Развој поетике и књижевне стилистике у Србији
од 1995 до 2020 године 160*

Tošović Branko (Grac, Austrija). Metastilistika i metapoetika Slovenije: 1970–2020 169

*Теравчевић Миодарка (Никшић, Црна Гора). Razvoj lingvostilistike u Crnoj Gori od 1970.
do 2020. godine 194*

СТИЛИСТИКА ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

<i>Веицкова И. А. (Москва, Россия). Проблема орфоэпического медиастандарта через 60 лет после его первого словарного описания</i>	211
<i>Сиротинина О. Б. (Саратов, Россия). Обзор работ по разговорному стилю за последние 50 лет</i>	220

ДИСКУРСИВНАЯ СТИЛИСТИКА

<i>Василькова Н. Н., Вольская Н. Н. (Москва, Россия). Комическое в современном медиатексте: жанровый аспект</i>	229
<i>Копылова Т. Р. (Ижевск, Россия). Интерпретация молчания в дискурсе</i>	235

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Хазагеров Г. Г. (Ереван, Армения). Новое о старом (авторская презентация книги «Четыре взгляда на троп»)</i>	247
<i>Кочай Мир Сахиб Джан (Кабул, Афганистан). Особенности языка и стиля Хушхал–Хана Хаттака</i>	256

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

<i>Касперова Л. Т. (Москва, Россия). Отчет о деятельности Стилистической комиссии за 2022 год</i>	263
<i>Сведения об авторах</i>	269

Т. Р. Копылова
(Удмуртский государственный университет)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОЛЧАНИЯ В ДИСКУРСЕ

Молчание как предмет лингвистического изучения актуализируется в науке о языке в связи с исследованием коммуникации. Обозначается учеными как нулевой знак, функционирующий в особом виде речевого акта – нулевом с перлокутивным центром. Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике переносит акцент с нулевого текста на участников дискурсивной деятельности: субъекта речи и объекта его воздействия. Целью данного исследования является анализ интерпретации реципиентом материально невыраженного текста, функционирующего в дискурсе. Неспособность адресата воспринять данный текст, зафиксировать и адекватно интерпретировать его лишает молчание коммуникативности.

Ключевые слова: молчание, нулевой знак, дискурс, акт молчания, адресант, адресат, интерпретация.

Tatiana R. Kopylova
(Udmurt State University)

INTERPRETATION OF SILENCE IN DISCOURSE

Silence as a subject of linguistic study is updated in the science of language in connection with the study of communication. It is designated in the science of language as a zero sign, functioning in a special form of a speech act - zero with a perlocutionary center. The cognitive-discursive paradigm in linguistics shifts the focus from the zero text to the participants in discursive activity: the subject of speech and the object of its influence. The purpose of this study is to analyze the recipient's interpretation of a materially unexpressed text functioning in discourse. The inability of the addressee to perceive this text, fix it and adequately interpret it, deprives the silence of its communicativeness.

Key words: silence, zero sign, discourse, act of silence, addresser, addressee, interpretation.

Введение

Молчание начинает исследоваться в лингвистике в контексте изучения коммуникации как универсальная категория, характеризующая человеческое общение в целом, вне зависимости от национально-культурной принадлежности говорящего (Baker 1955). Об устойчивом интересе ученых к молчанию как предмету самостоятельного исследования мы можем говорить с 70-80 гг. XX века на фоне развития теории речевого акта (Арутюнова 1994; Богданов 1986; Кибрик 1991; Крестинский 1990; Почепцов 1985), что, несомненно, задало вектор в изучении молчания. Коммуникативно значимое молчание противопоставлено физиологическому и обозначено в науке как нулевой знак, нулевой текст, функционирующий в особом рода речевом акте – нулевом. Прагматика речевого высказывания переносится на прагматику молчания. Вопрос, что «делает» молчание в коммуникации, так же важен для лингвиста, как и вопрос о роли слова (говорения) в общении (Jaworski 2006: 377). Данный тезис А. Яворски максимально полно характеризует основные направления исследования материально невыраженного текста: функции и значения молчания, интенции молчащего, контекст употребления – все, что связано с лингвистической интерпретацией нового коммуникативного явления, предполагающей «понять (ученому) самому и обосновать это понимание другим» (Демьянков 2001: 309).

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике, а вместе с ней и развивающиеся теории речевой деятельности, дискурса, речевого (коммуникативного) поведения переносят акцент в исследовании молчания с нулевого текста как структурного элемента речевого акта на его создателя и интерпретатора. В рамках данной статьи рассматриваются проблемы интерпретации материально невыраженного текста участниками дискурсивной деятельности. Под интерпретацией понимается «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» (Демьянков 1996: 31). В случае с молчанием, эквивалентным речевому высказыванию, наибольшую значимость приобре-

тает интерпретация реципиента, поскольку, если адресат не воспринимает молчание, не фиксирует и адекватно не интерпретирует его, оно теряет свою коммуникативность, становится естественным состоянием человека вне говорения. Под адекватной интерпретацией мы понимаем раскодирование адресатом молчания как текста, максимально приближенное к коммуникативному замыслу субъекта дискурса.

Акт молчания. Виды актов

1. Подобно акту говорения, акт молчания многоинтенционален: согласие, несогласие, нерешительность, игнорирование, презрение и др. Модель акта молчания включает в себя те же компоненты, что и другие речевые акты, но осложняется обратной связью, несущей информацию об эффекте, произведенном молчанием на адресата. В модели акта молчания центром становится перлокутивный акт (Кибрик 1991; Крестинский 1990; Меликян 2000; Почепцов 1985). При отсутствии перлокутивного эффекта молчание из деятельности переходит в молчание физиологическое. Коммуникация может считаться успешной, если коммуникативная цель адресанта выполнена. Адресант (молчащий) анализирует произведенный текстом эффект воздействия, сопоставляя его со своей целью (см. рисунок 1). Текст не имеет материальной выраженности, он условен, поскольку восстанавливается адресатом из общей коммуникативной ситуации. Молчание приобретает свою материальность в ответном коммуникативном поведении адресата, измененном под воздействием дискурса субъекта речи.

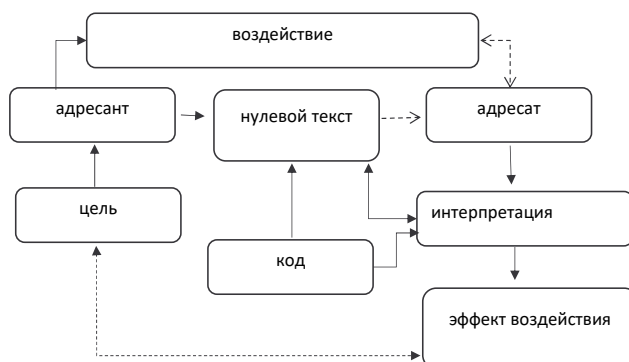

Рисунок 1. Модель акта молчания

Молчание в силу своей материальной невыраженности сложно в интерпретации. Адресат, воссоздавая текст, может лишь приблизиться к замыслу субъекта, реализуемому молчанием. Часто адресат создает совершенно новый текст, отличный от текста адресанта. Вспомним рассказ С. Довлатова «Наши», где природную молчаливость жены рассказчик наделяет смыслом, и уже это молчание оказывает на него воздействие: *«Я выходил из себя – жена молчала. Молчание – огромная сила. Надо его запретить как бактериологическое оружие»* (С. Довлатов. Наши).

В случае с нулевым высказыванием во взаимодействии целесообразнее ставить вопрос не столько об интерпретации, сколько об ее адекватности.

Молчание как текст может быть интерпретировано адекватно, то есть понимание его адресатом полностью соответствует коммуникативному замыслу молчащего (например, молчаливый диалог Кроткой с рассказчиком повести Ф. М. Достоевского «Кроткая»). Но чаще адресат в своей интерпретации только лишь приближается к замыслу молчащего.

(1) *Петрович замолчал, видно вылив самое горькое. Он помолчал, а потом спросил, поднимая на Корытина по-детски недоуменный взгляд: – Неужели там, наверху, не поймут, что губят крестьянство – значит, губят Россию? Чужой горбушкой сыт не будешь* (Борис Екимов. Пиночет).

(2) – *А как я тебя узнаю? – крикнул Кямал. – На мне будет шарфик в горошек. Если я тебе не понравлюсь, пройди мимо. Кямал странно замолчал. Ирина догадалась, что он плачет. Плачет от стыда за то, что просит. От благодарности – за то, что не отказала* (Виктория Токарева. Своя правда).

Интерпретации молчания как текста способствует весь коммуникативный контекст, особую роль играют невербальные средства общения, сопровождающие молчание:

(3) *Все это он отбарабанил впопыхах как по писаному, а потом замолчал и вдруг положил руку мне на плечо жестом сожаления* (Андрей Волос. Недвижимость).

Адресат в попытках интерпретации молчания иногда создает новый, уже свой собственный текст:

(4) *Князь Андрей вскоре после приезда своего, как камергер, явился ко двору и на выход. Государь два раза, встретив его, не удостоил его ни одним словом. Князю Андрею всегда еще прежде казалось, что он антипатичен государю, что государю неприятно его лицо и все существо его* (Л. Н. Толстой. Война и мир).

Идеи Р. Барта о том, что высказывание не имеет постоянного значения, и, получая сообщение, адресат создает свой собственный текст (Барт 1989), применительно к молчанию приобретают особый смысл.

Молчание как текст – это интерпретация его адресатом

2. По степени адекватности интерпретации молчания выделим пять типов актов молчания:

- **1 тип**, когда субъект речи достигает своей коммуникативной цели, то есть объект воздействия воспринимает молчание, интерпретируя, достаточно полно / точно раскрывает смысл нулевого текста.

ТЕКСТ СУБЪЕКТА = ТЕКСТ ОБЪЕКТА

(5) *Вновь Андрей услышал сладостное щебетание заморской птицы, дверь открыла большеглазая и большеротая женщина, которая все поняла без слов. Московский инженер Сургеев был вымыт, накормлен и напоен отварами целебных трав* (А. Азольский. Лопушок).

- **2 тип**, когда субъект речи частично достигает своей коммуникативной цели, то есть объект воздействия воспринимает молчание, но, интерпретируя, наделяет текст субъекта и своим содержанием, частично изменяет его.

ТЕКСТ СУБЪЕКТА ≈ ТЕКСТ ОБЪЕКТА

(6) *Мешал и сидевший впереди шофер, и их с Бастрюковым обоюдное служебное положение. Бастрюков понял его молчание по-своему. «Замолчал, потому что нечем крыть», – подумал он и от чувства собственного превосходства подобрел настолько, что все же решил вы-*

ставить к ужину водку (К. Симонов. Так называемая личная жизнь).

- **3 тип**, когда субъект речи не достигает своей коммуникативной цели, так как объект воздействия не фиксирует молчание, не воспринимает его как коммуникативный стимул или воспринимает, но не реагирует (коммуникация не состоялась).

ТЕКСТ СУБЪЕКТА = ∅

(7) – А вчера у меня опять Лидка была... интересная, брат, девка!.. Огонь!.. Танаров обиженно молчал. Зарудин, не замечая, медленно прошелся по комнате, и глаза у него оживленно смеялись каким-то воспоминаниям. Здоровое, сильное тело млело от жары, и горячие, возбуждающие мысли подмывали его. Вдруг он громко, точно коротко заржав, засмеялся и остановился (М. П. Арцыбашев. Санин).

- **4 тип**, когда субъект речи не достигает своей коммуникативной цели, так как объект воздействия воспринимает молчание как текст, но интерпретирует не адекватно.

ТЕКСТ СУБЪЕКТА ≠ ТЕКСТ ОБЪЕКТА

(8) Он понимал, к чему клонились эти вопросы князя. Он сознавал, что счастье его жизни должно было решиться сегодня, и князь начал разговор об этом именно сегодня, почти сразу после того, как Карл мог воочию убедиться, что счастье не суждено на его долю... А князь, довольный своими мечтами и довольный тем, что пора приводить их в исполнение, не спеша рассказывал, что он в переписке с отцом Карла, решил многое: что старик барон выедет на днях из Петербурга и что если Карл не знает, в чем дело, то это «многое» заключается в сватовстве его, Карла, к княжне, для чего-де и едет сюда барон Эйзенбах.

– Твой батюшка, вероятно, писал тебе о наших предположениях, – со мной можешь говорить без обиняков, – продолжал князь. – И едва ли, я думаю, ты будешь несчастлив... Карл молчал.

Князь истолковал это молчание по-своему и продолжал:

– ... мне желалось бы услышать от тебя самого, что она будет счастлива с тобой, потому что только тогда я буду спокоен окончательно, чтобы прожить остаток дней своих в ненарушимой радости.

– **Этого быть не может!** – вырвалось вдруг у Карла (М. Н. Волконский. Воля судьбы).

- **5 тип**, когда субъект речи не вступает во взаимодействие, не имеет намерения, не создает текст, но объект воспринимает «ничто» за молчание, интерпретируя его, создает свой собственный текст. Предполагаемый субъект – невольный участник взаимодействия.

∅ = ТЕКСТ СУБЪЕКТА

(9) Он долго **не замечал любовного напряжения, исходящего от новой аспирантки ...** Главное препятствие – о чем Валентина и не догадывалась – состояло в том, что Илья Иосифович оценивал женскую привлекательность по одному-единственному показателю: насколько рассматриваемый предмет приближался к образу его покойной жены (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Молчание в структуре дискурса.

Особенность интерпретации

Рассмотрим, при каких условиях молчание как текст приобретает способность быть интерпретируемым.

В традиции русской художественной литературы познавать природу человека, его внутренний мир через молчание. Обратимся к творчеству Ф. М. Достоевского, для которого молчание, подобно слову, диалогично, «значимо как выражение определенной позиции и оценки в общении между двумя сознаниями» (Маркова 2015: 12). В произведениях автора – яркие образцы молчаливого коммуникативного поведения человека (Копылова 2017, 2018).

В повести писателя «Кроткая» рассказчик, «отставной штабс-капитан блестящего полка, родовой дворянин», вынашивая план мести с целью взять реванш, отомстить за понесенный ущерб и обиду, методично, шаг

за шагом, выстраивает линию поведения, где он «суров, горд и в нравственных утешениях ни в чьих не нуждается, страдает много»⁶ (с. 16). В его коммуникативном сценарии определенное место отводится жертве: «Сирота. У теток три года была в рабстве. Поденная безжалостная работа. Попросту они даже ее били, попрекали куском. Намеревались продать» (с. 10). Переноса свою месть с общества на существо, значительно слабее и незащищенное его, герой мечтает, как в результате его блестящего плана она, как и мир, оскорбивший и униживший его, должна понять, оценить, увидеть его великодушие и пасть «в прах, сложа в мольбе руки» (с. 17). Эта минута триумфа – цель его жизни. Постоянная рефлексия героя по поводу своего плана позволяет ему корректировать запланированное, выбирать действия, которые максимально быстро приведут его к цели. Кроткая становится частью этого плана не сразу. Он несколько раз задал вопрос себе «стоит ли? стоит ли?», и только тогда ответил на него «в утвердительном смысле». Выбор Кроткой в качестве жертвы – результат не эмоционального порыва («это было не дурное чувство»), это результат другого уровня – «я с умыслом, с намерением; я ее испытать хотел, потому что у меня вдруг забродили некоторые на ее счет мысли», это результат *особенной мысли об ней*, когда он узнал *всю «подноготную»*.

В реализации задуманного среди прочих средств воздействия особое место занимает молчание. В зависимости от интенсивности и продолжительности во времени, молчание меняет силу своего воздействия. Данное свойство позволяет субъекту достигать коммуникативной цели, лишь *усиливая молчание, налегая на молчание, напирая на молчание*. Прибегая к молчанию каждый раз, когда поведение Кроткой не соответствует роли, предназначенной для нее, рассказчик методично, шаг за шагом добивается своей цели – доминировать над ней, убедить ее в своем превосходстве. Молчание героя – часть хорошо спланированного действия, дела всей

его жизни. Герой не просто осознанно реализует свой план, он постоянно анализирует каждое свое действие, не отступил ли он от идеи своей, и если не отступил, он был *доволен*: и когда он решил предложение ей сделать *в самом неотложном виде*, был собой доволен, и когда в общении с Кроткой выбрал молчание *строгое и благосклонное*, был доволен, а когда ее стала покидать болезнь, он *восторжествовал и был доволен, как никогда не бывал*. Любое, даже самое минимальное действие подвергается тщательному анализу и вердикту – доволен, о чем он вспоминает с *наслаждением и гордостью о себе*: «Я помню это выражение, я его, дорогой идя, тогда сочинил и остался доволен».

Молчание героя является отличительной чертой его речи, оно – особенность его дискурса.

В повести развернутых диалогов с молчанием практически нет. В основном, мы узнаем из исповеди рассказчика, как он налегал на молчание, усиливал молчание. Но разговор с Кроткой после того, как она узнала правду о поступке своего мужа, воспроизведен в повести дословно; стремление рассказчика вспомнить все до мелочей, чтобы *уяснить*, придают этому диалогу документальную точность.

Цель Кроткой – не просто получить информацию, а удостовериться в правде. Ее выбор языковых средств полностью соответствует ее намерению. То, что она узнала, позволяет ей обвинять мужа. Она искренне и открыто выражает свое отношение к собеседнику, испытывая злую иронию, доведенную до презрения (*О, теперь вы лицо – финансист!*). Ее интонация (восклицания, вопросы), смех, выражение глаз (*глаза ее засверкали*) говорят о сильном эмоциональном напряжении, когда человек уже не способен сдерживать себя, контролировать выбор средств: она *заговорила вдруг, с дубу сорвав*. Ее коммуникативное поведение производит эффект неожиданности, ослабляя волю собеседника. И герой на какое-то время потерял контроль над собой: стал говорить искренне, открыто, как считал; он перестал действовать запрограммированно. И читателю стало явным его истинное коммуникативное намерение – оправдать себя, свое превосход-

⁶ Здесь и далее цитирование по (Достоевский Ф. Полное собрание сочинений в тридцати томах, Публицистика и письма. Том 24. Ленинград, 1982, с. 5–35).

ство над другими, многие годы скрытое под маской загадки.

Представим данное взаимодействие как сценарий коммуникативных ходов, который наглядно показывает, насколько эффект, произведенный на адресата, определяет следующий ход (речевой акт), его цель и средства реализации (см. таблицу 1). Общей коммуникативной целью инициатора взаимодействия (Кроткой) является обвинение в сокрытии информации, важной для принятия решения связать свою судьбу с этим человеком; целью объекта (рассказчика) – оправдать себя, доказать свою невиновность, более того, переубедить собеседника, изменить точку зрения о его поступке не как трусливом и подлом, а как мужественном и единственно верном. Столкнувшись с тем, что герой не только не признает себя виновным, но и защищается, вызывает чувство жалости к себе как жертве, требует восхищения своим решением противостоять тирании, Кроткая корректирует свою цель, обвиняя мужа уже в безнравственности и подлости всей его жизни.

(1) – *А правда, что вас из полка выгнали за то, что вы на дуэль выйти трусили? – вдруг спросила она, с дубу сорвав, и глаза ее засверкали.*

(2) – *Правда; меня, по приговору офицеров, попросили из полка удалиться, хотя, впрочем, я сам уже подал в отставку.*

(3) – *Выгнали как труса?*

(4) – *Да, они присудили как труса. Но я*

отказался от дуэли не как трус, а потому, что не захотел подчиниться их тираническому приговору и вызывать на дуэль, когда не находил сам обиды. Знайте, – не удержался я тут, – что восстать действием против такой тирании и принять все последствия – значило высказать гораздо более мужества, чем в какой хотите дуэли.

Я не сдержался, я этой фразой пустил-ся в оправдание себя; а ей только этого и надо было, (6) этого нового моего унижения. (5) Она злобно рассмеялась.

(7) – *А правда, что вы три года потом по улицам в Петербурге как бродяга ходили и по гривеннику просили, и под биллиардами ночевали?*

(8) – *Я и на Сенной в доме Вяземского ночевывал. Да, правда; в моей жизни было потом, после полка, много позора и падения, но не нравственного падения, потому что я сам первый ненавидел мои поступки даже тогда. Это было лишь падение воли моей и ума и было вызвано лишь отчаянием моего положения. Но это прошло...*

(9) – *О, теперь вы лицо – финансист!*

То есть это намек на кассу ссуд. (10) Но я уже умел сдерживать себя. Я видел, что она жаждет унижительных для меня объяснений и – не дал их. /.../ После, уже через час, когда она вдруг оделась, чтоб выйти, остановилась передо мной и сказала:

(11) – *Вы, однако ж, мне об этом ничего не сказали до свадьбы? (12) Я не ответил, и (13) она ушла (с. 19).*

Таблица 1.

Сценарий коммуникативных ходов

Коммуникативные ходы Кроткой	Средства Воздействия	Результат воздействия	Коммуникативные ходы рассказчика	Средства воздействия			
(1) запрос информации, оценка	вопрос						
	невербальные средства (<i>глаза сверкают</i>) эмоционально-оценочная лексика (<i>струсили</i>)						
	→				неожиданность, вовлечение в обсуждение	(2) согласие	Утверждение (<i>Да, правда</i>)
						предоставление информации	повествование
			несогласие	уступка (<i>хотя</i>)			
←		непрятие его позиции, несогласие	←				
(3) уточнение информации, негативная оценка	Вопрос						
	сравнение (<i>как труса</i>) эмоционально-оценочная лексика						
	→				эмоциональное негативное воздействие; желание оправдаться	→	
						(4) уточнение информации	утверждение
						несогласие	Противопоставление (<i>но</i>)
			аргументация	причина (<i>потому что</i>), сравнение (<i>гораздо более мужества, чем</i>)			
←		непрятие; усиление раздражения попыткой оправдать себя	←				

(5) несогласие	злой смех			
	→	унижение	→	
			(6) [...]	молчание
		удовлетворение состоянием собеседника	←	
(7) запрос информации	вопрос			
усиление воздействия	повтор (<i>А правда</i>)			
негативная оценка	эмоционально-оценочная лексика; сравнение (<i>как бродяга</i>)			
	→	желание доказать свою правоту	→	
			(8) информация	утверждение повествовательное предложение
			несогласие	противопоставление оценочная лексика повтор (<i>много позора и падения, но не нравственного падения</i>)
			аргументация	причина (<i>потому что</i>)
←		неприятие; раздражение попыткой оправдать себя	←	
(9) несогласие, намек на нечестную деятельность ростовщика	интонация иронии восклицание (<i>О!</i>) антитеза (<i>бродяга - финансист</i>) ирония (<i>лицо</i>)			
→		Ж	(10) [...]	Молчание уход от коммуникации
←		неудовлетворение	←	
(11) обвинение	усиление отрицания (<i>ничего не сказали</i>)			
попытка вызвать извинения	Вопрос			
→		Ж	(12) [...]	Молчание
←		неудовлетворение	←	
(13) уход от коммуникации	Молчание			

Молчание в данном взаимодействии выступает как инициированное и как ответное. Своим злым смехом Кроткая унизила героя, сделала ему больно. Находясь под властью эмоций, герой не может (или не успевает) ей ответить (6), пропускает свой ход, чем вызывает удовлетворение Кроткой. В конце Кроткая убеждается в бессмысленности этого разговора: герой возвращается к обычно своему холодному молчанию, как будто и не случилось этого горячего спора. Ей нечего сказать. Она уходит молча (13).

Ответное молчание может быть как контролируемое (13), так и неконтролируемое (6). Инициированное молчание полностью контролируется субъектом, оно интенционально, оно направлено на собеседника (10, 12). Такое молчание способно если не блокировать воздействие высказывания оппонента, то скрыть эффект, произведенный этим высказыванием (9, 11). При этом намерение субъекта молчания невозможно определить на уровне одного акта (вербального и невербального) в силу его однонаправленности. Ср., (5) *Она злобно рассмеялась* (молчание, сопровождаемое смехом). (10) *Я не ответил*. В случае данного взаимодействия интерпретировать молчание, то есть раскрыть коммуникативную цель субъекта, возможно на уровне единицы, большей, чем просто речевой акт. Мы понимаем молчание героя только из общего контекста – целого коммуникативного события. И понимаем, почему молчание оказывает сильное воздействие на Кроткую, имеющую в этом диалоге такие сильные коммуникативные позиции (информированность, эмоциональность, неожиданность и др.).

Анализируемый диалог не типичен для взаимодействия рассказчика и Кроткой. Именно поэтому Кроткая, применяя неожиданно новые для нее стратегии, вначале воздействует на адресата, наслаждаясь эффектом (его унижением), усиливает выбранную линию поведения. Но молчание собеседника быстро возвращает Кроткую в привычный, выработанный временем, тип взаимоотношений. И его молчание сломило ее коммуникативную волю.

Молчание является сильным текстом (знаком) для адресата только как часть об-

щей дискурсивной деятельности субъекта речи.

Рассказчиком описан диалог, где одно молчаливое действие сменяет другое:

(10) *«Я сел к столу молча и принял от нее стакан чая. Минут через пять я на нее взглянул. Она была страшно бледна, еще бледнее вчерашнего, и смотрела на меня. И вдруг – и вдруг, видя, что я смотрю на нее, она бледно усмехнулась бледными губами, с робким вопросом в глазах. «Стало быть, все еще сомневается и спрашивает себя: знает он или не знает, видел он или не видел?» Я равнодушно отвел глаза. После чая запер кассу, пошел на рынок и купил железную кровать и ширмы. Возвратясь домой, я велел поставить кровать в зале, а ширмами огородить ее. Это была кровать для нее, но я ей не сказал ни слова. И без слов понял, через эту кровать, что я «все видел и все знаю» и что сомнения уже более нет. На ночь я оставил револьвер как всегда на столе. Ночью она молча легла в эту новую постель: брак был расторгнут, «побеждена, но не прощена» (с. 22).*

В данном взаимодействии, растянутом во времени, не прозвучало ни одного слова. И это не факт отказа от взаимодействия вообще: адресант подчеркивает молчание как сознательно выбранное средство в этом немом поединке. Молчание сопровождается невербальными средствами коммуникации, усиливая его эффект (то посмотрел, то *равнодушно отвел глаза*). Обращаясь к своему опыту общения с этим человеком, безоговорочно приняв все его правила, Кроткая все *без слов поняла*: «он все видел и все знает» (с. 22).

Выводы

Молчание как нулевой текст в силу материальной невыраженности условен и приобретает материальность в коммуникативном поведении адресата, измененном под воздействием данного текста. Восприятие молчания и его интерпретации также носит условный характер, так как не всегда соотносится с намерениями и коммуникативными целями субъекта речи. Молчание приобретает способность адекватно интерпретироваться в коммуникативном фрагменте, боль-

шем, чем однонаправленное речевое действие (речевой акт). Чем крупнее по охвату коммуникативных действий событие, тем более информативным становится молчание для адресата, тем больше возможностей для

его интерпретации. Вовлеченность адресата в коммуникативное пространство субъекта речи, в его дискурсивную деятельность позволяет вести эффективное взаимодействие без слов.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 106–117.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Богданов В. В. Молчание как нулевой речевой знак и его роль в вербальной коммуникации // Языковое обобщение и его единицы. – Калинин: КГУ, 1986. – С. 12–18.
4. Демьянков В. З. Интерпретация // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С.31–33.
5. Демьянков В. З. Лингвистическая интерпретация текста: Универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. редакторы: Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 309–323.
6. Кибрик А. А. Молчание как коммуникативный акт // Действие: лингвистические и логические модели. – М.: ИЯЗ, 1991. – С. 49–51.
7. Копылова Т. Р. Молчание в речевой агрессии: цель и средство (на материале повести Ф. М. Достоевского «Кроткая») // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. – № 1, тем. вып. Филологические науки, вып. 111. – С. 44–49.
8. Копылова Т. Р. Опустошенное молчание в структуре русского речевого поведения (на материале произведений Федора Достоевского и Леонида Андреева) // Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы / под ред. И. Любохи-Круглик, О. Малысы, Г. Вильк [и др.]. – Katowice, 2017. – С. 521–530.
9. Крестинский С. В. Коммуникативно-значимое молчание в структуре языкового общения: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1990. – 253 с.
10. Маркова В. В. Семантика безмолвия в «Преступлении и наказании» // Русская речь. – 2015. – № 3. – С. 11–18.
11. Меликян С. В. Речевой акт молчания в структуре общения: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2000. – 177 с.
12. Почепцов Г. Г. Молчание как речевой акт // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. Мориса Тереза. – М.: МГПИИЯ, 1985. – Вып. 252. – С. 43–52.
13. Baker Sidney J. The theory of silences. – The Journal of General Psychology. – 1955. – Vol. 53. – P. 145–167.
14. Jaworski A. Silence // Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. K. Brown. – Boston: Elsevier Ltd., 2006. – P. 944–946.